

В. И. МАРКОВИН

ОТВЕТ НА СТАТЬИ, ПРИСЛАННЫЕ В СВЯЗИ С ДИСКУССИЕЙ О МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Мои доклады, посвященные вопросам научной интерпретации майкопской культуры, прочитанные на теоретических семинарах в Институте археологии АН СССР (11 февраля и 13 апреля 1988 г.) и на XV Крупновских чтениях в Махачкале [1, с. 11—13], вызвали помимо устных выступлений и письменные отклики, в том числе И. М. Мизиева и В. А. Сафронова. Я тщательно ознакомился с ними.

В тезисно изложенной заметке М. В. Андреевой «Традиционные проблемы и новые пути их решения» автор предлагает проводить комплексное изучение спорных вопросов в археологии, но не узким кругом специалистов, а учеными разного профиля. С ее мнением нельзя не согласиться.

Действительно, обычно археологические изыскания носят «узкоцеховой характер», когда одни комплексы сравниваются с другими по принципу «похоже» или «непохоже». Это почти всеобщая методика. Однако в кавказоведении, когда культура многих ныне здравствующих народов вполне рельефно обращена в глубь веков, интерпретация археологических источников обычно соседствует с исторической этнографией, знанием современного быта и народного искусства. Целый ряд ученых — А. А. Иессен, Б. А. Куфтин, Е. И. Крупнов, В. Г. Котович и многие другие — знали не только археологию, но и этнографию исследуемых ими регионов. Этнограф Л. И. Лавров являлся компетентным археологом и языковедом, искусствовед Ш. Я. Амиранашвили великолепно использовал данные археологии и этнографии Грузии и сопредельных стран. Такого масштаба специалистов в кавказоведении много. Они обладают умением видеть и осмысливать материал широко, не замыкаясь в узких рамках одной изучаемой эпохи, одной культуры или даже этноса. Для археологии Кавказа это очень важно. Любой археологический экскурс здесь всегда может найти отклик в истории живого народа. Здесь не может быть отвлеченных, «чисто научных» споров о тех или иных древностях, как это имеет место в дебатах об «андронне», «алакуле» и других давно известных и ныне выделяемых «культурах» и «общностях». Вот почему мною был поднят вопрос о майкопской культуре и предполагаемых ее носителях. Для истории народов

Северного Кавказа он не абстрактен. Предлагая то или иное решение, авторы версий должны были «заглянуть» в последующие тысячелетия и века, решив прежде всего для себя вопрос — а могло ли такое случиться в действительности?

В опубликованной в данном дискуссионном разделе статье С. Н. Корневского «К дискуссии об этнической интерпретации майкопской культуры» высказано его отношение к «арамейской» теории В. А. Сафронова и Н. А. Николаевой. В его статье мне показалось особенно важным и интересным предположение, что высокохудожественные предметы из кургана Ошад в Майкопе (БМК) могли быть созданы задолго до похорон в нем, будучи «долговременными родовыми символами». Эта мысль, требующая еще определенного обоснования, является одной из предпосылок к аргументам удревнения раннего комплекса майкопских предметов. Думаю, что она найдет свое подтверждение, тем более что С. Н. Корневский ныне занят изучением поселений майкопской культуры в Предкавказье. Дата, которую он предлагает для всего круга изучаемых древностей, — конец IV — начало III — первая половина III тыс. до н. э. — мне представляется вполне приемлемой. Она согласуется с разработками грузинских археологов О. М. Джапаридзе и Г. Л. Кавтарадзе [2, с. 337 и др.; 3, с. 38, 59—81]. Не вызывает возражений и позиция С. Н. Корневского, согласно которой нельзя «носителей майкопской культуры сопоставлять с каким-либо конкретным народом, отмеченным в письменных источниках, в том числе и с арамеями Харрана». Для этого нет не только вполне реальных материалов, нет даже и чисто археологических оснований. Данный раздел статьи С. Н. Корневского, в моем представлении, может в дальнейшем вылиться в самостоятельное исследование.

И. М. Чеченов в статье «К проблеме изучения древней истории и археологии Северного Кавказа» останавливается не только на проблематике, связанной с майкопской культурой. Он дает развернутый анализ тех искажений, которые, наслаиваясь друг на друга, вырастают в целый ком, не имея под собой прочного фундамента. И. М. Чеченов вполне убедительно показывает, что созданные таким образом обобщения не отвечают канонам простой логики. Я могу поблагодарить его, что в своей работе он детально останавливается на тюркологических опытах И. М. Мизиева, называя его предшественников и последователей. Это избавляет меня от лишних слов по данному поводу. Экскурс И. М. Чеченова показывает методику и технику подобных умозаключений. Думаю, что публикуемая статья И. М. Мизиева является тому иллюстрацией. Написана она очень противоречиво и далеко не в академическом тоне.

Паражает прежде всего принятый И. М. Мизиевым метод цитирования. Приводя отрывок из книги Р. М. Мунчаева «Кавказ на заре бронзового века», он усекает его, опуская главную мысль. Р. М. Мунчаев говорит о двуприродности этнической принадлежности «майкопцев»: «С одной стороны, мы видим сугубо местный элемент, восходящий к предшествующим эпохам. Он, вероятно, отражает местный этнический массив, говоривший на западнокавказских языках. Вместе с тем здесь присутствует и другой элемент, по всей вероятности, и стимулировавший тот общий подъем, который здесь наблюдается во второй половине III тыс. до н. э.» [4, с. 413]. Опуская первую часть приведенного высказывания Р. М. Мунчаева, И. М. Мизиев тем самым искажает его мнение о возможной двуприродности этноса майкопской культуры. А это весьма важно, так как протокашки, упоминаемые Р. М. Мунчаевым, обитали почти по соседству с «майкопским» населением.

Все пять вопросов, поставленных в самом начале статьи И. М. Мизиева («о движении вещей», анализе погребального обряда и т. д.), автору следует обратить прежде всего к самому себе и, ответив на них, тогда уже утверждать тезис, что «майкопцы» — это шумеры, а шумеры — не кто иные, как предки «балкаро-карачаевцев» [5, с. 21—31].

Изучив словари тюркских языков (я не боюсь сказать об этом, так как элементарно знаком только с речью кумыков), мне удалось показать, что если пользоваться версией И. М. Мизиева, то носителей майкопской культуры можно будет искать на Алтае, в Якутии, Средней Азии и т. д. Могу добавить, что ведущие тюркологи нашей страны не разделяют его мнение о безусловном сходстве тюркских языков с шумерским [6]. Вероятно, их подходы к данному вопросу построены на более глубоком знании общей и специальной лингвистики.

Приложенный к заметке И. М. Мизиева небольшой раздел о появлении курганов на Кавказе, возможно, найдет соответствующую оценку в среде специалистов.

Статья В. А. Сафронова «Новые пути решения майкопской культуры» создана как своеобразное дополнение к ранее опубликованным работам. Упрек В. А. Сафронова в мой адрес, что относительно недавно я отделял комплексы Майкопа и Новосвободной, рассматривая их как разнокультурные [7, с. 44], справедлив. И сейчас приходится основательно задумываться над проблемой появления майкопских (по общему облику) вещей в дольменах ст. Новосвободной и в гробницах Нальчика и Кишпека. Здесь, очевидно, дело не в их резкой разнокультурности, а в неясных формах взаимодействия строителей дольменных сооружений с майкопским населением. Этот вопрос, вероятно, требует особого рассмотрения.

Говоря о майкопской культуре, я не вижу повода думать, что мною проводится «реанимация отдельных звеньев старых разрозненных схем». Объем вещевых источников, которые имеют в виду, когда говорят о майкопском круге памятников или о новосвободненских материалах, всегда довольно конкретен. Тут «реанимировать» нечего. Вопрос об их хронологии и происхождении более сложен. Он разными специалистами понимается по-разному: одни строят свою систему дат по Триполью В2/С1, другие стараются учесть общекавказское развитие культуры. Я — сторонник второго пути. Иное дело — вопрос о происхождении. Если для Р. М. Мунчаева этнос культуры может быть двуприродным, для М. В. Андреевой — пришлым, имеющим свои истоки среди населения нагорий в районе озер Ван и Урмия (см. выше), то О. М. Джапаридзе считает, что данная культура имеет местное происхождение [2, с. 366, 398]. Эта мысль интересна, и она базируется на анализе материалов всего Кавказского региона.

В. А. Сафронов и Н. А. Николаева вопрос о происхождении памятников новосвободненского круга рассматривают отдельно от древностей «майкопа». Для новосвободненских памятников исходными являются культуры шаровидных амфор, шнуровой керамики, а судя по этой статье, и воронковидных кубков. В. А. Сафронов пишет о 35 аналогиях между двумя первыми культурами и дольменами ст. Новосвободной и другими дольменными памятниками. Мне эти аналогии кажутся умозрительными, так как на Северном Кавказе не найден комплекс вещей, характерных для данных культур (см. рис. 2, 3 в моей статье), а речь может идти лишь о чисто внешнем сходстве некоторых керамических форм. Я видел в Веймаре тюрингские амфоры и больше, в данном случае верю себе, а также мнению И. К. Свешникова, В. С. Титова [8, с. 13—20; 9, с. 88] и других специалистов.

Решение вопроса о происхождении майкопской культуры еще более настораживает меня. Никто не отрицает связей ее носителей с культурами Древнего Востока. Это имело место почти во все периоды жизни населения Кавказа — и в древности, и в средние века. Так могла попасть на Кавказ цилиндрическая печать, о которой упоминает В. А. Сафронов. Но арамейское происхождение майкопской культуры путем миграции библейского Фарры и его потомков воспринимается не только мною, но и большинством моих коллег, археологов-кавказоведов, чуть ли не как сказка. Здесь снова придется обратиться к некоторым вопросам, связанным с Библией. Я не собираюсь дискредитировать Библию как исторический источник, это уже сделал за меня сам

В. А. Сафронов, изменив ее общепринятую между библеистами хронологию. Не мною начата и критика Библии, она давно как раздел науки существует и процветает. Ею занимаются отнюдь не одни атеисты, но и богословы.

Арамейский язык начинает распространяться только с IX в. до н. э. и только с эпохи Ахеменидов получает более широкое употребление [10, с. 32]. Судя по тому, что прямая речь Иисуса Христа в ранних, грекоязычных текстах Евангелия с его «таргумами» — ссылками на Ветхий Завет всегда приводится в них на арамейском языке [11, с. 72, 73], можно думать, что ранние записи Библии падают на указанное выше время, т. е. не ранее IX в. до н. э. Однако для того чтобы понять, о чем далее пойдет речь, надо сказать, что библейские персонажи здесь будут упоминаться как вполне реальные лица, а не как герои красивых, овеянных верой преданий. Именно так и рассматривает их В. А. Сафронов.

Обратимся к Фарре, о котором упоминает в своих работах В. А. Сафронов. Имя его встречается впервые в книге «Бытие» (гл. 11, ст. 26) как имя человека, породившего сына Авраама в 70 лет. Происходит оно от глагола *faḡaš* — «обращаться, выселяться, уходить» — как предсказание об уходе его из Ура Халдейского (местность Мугейр), где он родился [12, с. 83, 84]. О времени рождения Фарры богословы приводят следующие данные: это 1878 и 1876 годы эры от Адама, т. е. от «сотворения мира» по еврейской традиции [13, с. 881; 14, с. 73, таблица]. Время «сотворения мира» по ней приходится на 7 октября 3761 г. до н. э. [15, с. 68]. Эта дата является исходной для современной хронологии у жителей Израиля. Как бы теперь ни манипулировать с указанными цифрами [16, с. 114—118; 17, с. 27], надо помнить, как пишут сами богословы, что в Библии «нет строгой и четкой хронологии, а имеющаяся или сильно пострадала от различных причин, или привнесена в нее позднее» [12, с. 82, 83]. Даты жизни Фарры (он жил 205 лет) не входят при этом за пределы II тыс. до н. э.

Сын Фарры Авраам родился в 1948 г. эры от Адама [14, с. 73]. Он первый «познал лживость служения идолам» и переправился за Евфрат в Землю Ханаанскую, «обетованную Богом ему и его потомству», за что и был прозван *Ага-иври*, откуда и пошло слово «еврей» [18, с. 128]. Во время сильного голода в Ханаане Авраам вместе с женой Саррой и своими приближенными бежал в Египет. Это, как предполагают библеисты, произошло в царствование одного из первых фараонов XII династии [12, с. 89]. По Э. Бикерману, все цари данной династии правили в период 2000—1785 гг. до н. э. [15, с. 177, табл. VI]. Добавлю, что даты жизни личностей, количество предметов и прочие бытовые детали сохраняют в Библии обычный счет, не подчиняясь ритмике и прочим особенностям этого произведения.

Не имея возможности проверить реальность самого факта жизни Фарры, Авраама и других персонажей Библии, я тем не менее не могу не верить хронологическим таблицам Э. Бикермана, да и датировкам других специалистов, как и датам, публикуемым богословами. Упомянутые временные вехи никак не уходят за пределы II тыс. до н. э. [19, с. 21—25]. Это первая причина, почему я не могу разделить чисто хронологический аспект построений В. А. Сафронова и Н. А. Николаевой о происхождении носителей майкопской культуры. Вторая причина приведена мною в статье, вокруг которой развернулась дискуссия. Это археологический аспект. Я не вижу реальных оснований связывать культуру поселения Тель-Хуэйра с культурой «майкопцев». Третья причина: теория, на которой настаивает мой оппонент В. А. Сафронов, обрывает историко-археологическую перспективу в развитии культур Северного Кавказа. В действительности, судя по археологическим материалам, этого не могло быть.

Думаю, что дискуссия была полезной и она еще привлечет внимание к археологическим памятникам Кавказа, в том числе и к памятникам майкопского облика. Хотелось бы, чтобы подобные научные диспуты вошли в нашу жизнь, но вести их надо в более ясном и спокойном тоне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Марковин В. И.* Некоторые вопросы осмысления древностей майкопской культуры // XV КЧ по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Махачкала, 1988.
2. *Джaparидзе О. М.* На заре этнокультурной истории Кавказа. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1989.
3. *Кавтарадзе Г. Л.* К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1983.
4. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
5. *Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986.
6. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988.
7. *Марковин В. И.* Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1974.
8. *Свешников И. К.* Культура шаровидных амфор // САИ. 1983. Вып. В1-27
9. История Европы с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Древняя Европа. М.: Наука, 1988.
10. *Гранде Б. М.* Введение в сравнительное изучение семитских языков. М.: Наука, 1972.
11. *А. Ю.* Об арамензмах в тексте Четвероевангелия // ЖМП. 1989. № 3.
12. Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. писания Ветхого и Нового Завета. Т. 1. СПб., 1904—1907 (Переиздание: Стокгольм, 1987).
13. Фарра // Энциклопедический словарь А. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XLIIa. СПб, 1904.
14. *В. К.* Генеалогия, хронология, расселение народов древнего мира согласно Библии // ЖМП. 1988. № 11.
15. *Бикерман Э.* Хронология древнего мира (Ближний Восток и античность). М.: Наука, 1975.
16. *Селешников С. И.* История календаря и хронология. М.: Наука, 1972.
17. *Каменцева Е. И.* Хронология. М.: Высш. шк., 1967.
18. *Bernstein.* Ursprung der Sagen von Awraam, Isaak und Jacob. В., 1871.
19. Симфония (Словарь — указатель к Священному Писанию Ветхого и Нового Завета). Т. 1. А—Г., М.: Изд-во Моск. Патриархии, 1988.